

Актёр
Михаил БОЯРСКИЙ:
**«Я бы хотел
снова сыграть
Д'Артаньяна»**

Константин Баканов

Этим летом одним из самых острых вопросов поп-музыки стала тема пения под фонограмму. В то время как буквально на днях в Китае издали закон о лишении лицензии артистов, если их дважды уличат в пении под «фанеру», у нас на всех песенных фестивалях до сих пор фонограмма – королева программы. В этом году известный актёр и певец Михаил Боярский дебютировал в новом для себя качестве – члена жюри песенного конкурса «Славянский базар в Витебске», причем был единственным представителем России в судейской коллегии. В интервью «Новым Известиям» Михаил БОЯРСКИЙ поделился своими соображениями о фонограммах и современных молодых исполнителях.

– Михаил Сергеевич, в последнее время часто стала всплывать тема фонограмм. Нужно или не нужно запрещать их, с вашей точки зрения?

– Мне все равно. Я махнул на это рукой. Бороться с этим не собираюсь. Каждый пусть делает то, что хочет. Когда я выступаю вживую, зрители это чувствует, но если я буду петь под фонограмму, они этого даже не заметят. Техника дошла до того, что понять, когда артист вживую исполняет, а когда нет, невозможно, особенно если на сцене 50 человек, 20 из которых танцуют, еще 15 пускают дым, а остальные делают вид, что играют на гитарах. Вот это обидно. Но мне проще, я ведь не певец, поэтому все вокальные огрехи мне только в плюс. Я прокуренный сиплый мужик, и мне все равно, забуду я слова или нет. Я драматический актёр.

Окончание на стр. 22

Новые Известия - 2005 - с. 1, 22.

«Я бы хотел снова сыграть Д'Артаньяна»

Окончание. Начало на стр. 1

Тем не менее могу сказать, что живую петь приятнее. Во-первых, концерт идет в сто раз быстрее, потому что ты тратишься, ты по-настоящему работаешь. А когда ты ждешь, когда кончится фонограмма, — это же мучение! Как они это делают, не понимаю. Во-вторых, каждый раз, когда поешь живую, песня звучит по-другому. То у тебя хороший голос, то простуженный, то поешь на дне рождения, то на похоронах, то зимой, то летом. Разница огромная, а у многих певцов, что бы ни происходило в зале, фонограмма одна и та же. Это очень заметно, это так скучно, ну да и Бог с ними.

— А как вам понравилась роль судьи песенного конкурса?

— Поскольку это был мой судейский дебют, то было любопытно. Я волновался, наверное, не меньше, чем сами участники «Славянского базара». Оценивать судьбы людей — дело ответственное. Кто станет обладателем Гран-при и для зрителей, и для жюри, стало ясно сразу же. Но, на мой взгляд, жюри недооценило польскую и латвийскую конкурсанток. Они — европейского, а не славянского плана певицы.

— То есть вы на славянском фестивале были сторонником западной манеры исполнения?

— Скорее, манеры более изысканной, утонченной, пикантной. Славянская манера — полностью открытая, любовая. Здесь всё на первом плане. А в них была такая загадка, которая, как правило, отсутствует в славянской натуре.

— Вы не только певец, но и актер. Как вам поющая молодежь с точки зрения артистизма?

— Слабовато. Вы помните, как Пугачева пела «Арлекино»? Там есть что сыграть, есть возможность проявить характер. Нужно учитывать, что эстрадная песня — не просто написанное произведение, которое лежит в столе, а песня, которая принадлежит сегодня и здесь зрителям. Я понимаю, что Yesterday можно спеть, сидя в обнимку с гитарой, потому что все ее знают, любят, но если ты выступаешь с песней, которую никто не знает или знают плохо, а тебя не знают вообще, ты должен успеть рассказать и о себе, и о песне, завоевать зрителя. Об этом, конечно, должен думать не только сам артист, но и режиссер, и педагог, который подбирает репертуар. Как правило, выигрывает самый яркий. Если я буду читать грустные стихи Есенина, пусть даже очень хорошо, все равно этого будет недостаточно, чтобы схватить зал.

— На фоне многочисленных летних песенных фестивалей усилились разговоры о том, что в России никак не находится новая молодая мегазвезда. Что нужно, чтобы она нашлась?

— Фестивали и конкурсы здесь совершенно точно не помогут. Звезды рождаются сами по себе, у них своя дорога, которая известна только Богу. Они не должны появляться на каждом фестивале. Может пройти 20 лет, а может и 50, пока появится такой, как Элвис Пресли. Он никогда не выступал ни на каких конкурсах. Один раз спел — и все. Так же, как The Beatles, как Высоцкий, как Робертино Лоретти. Такие люди рождаются чрезвычайно редко и падают, как метеориты. В этом смысле долгий и мучительный труд к успеху не приводит. Искать тоже бессмысленно. Метеорит сваливается сам.

— В таком случае фестивали и конкурсы — это...

— Это шоу, конечно же. Развлечение. Выпускной вечер. Приятное времяпрепровождение. Плюс интрига, хотя конкурсы можно было бы проводить и без конкурса — просто выступление хороших певцов. Конечно, здесь и коммерция присутствует, появляются спонсоры и так далее.

— Получается, победа в конкурсах ничего не значит? Многие победители песенных конкурсов потом разочаровываются в собственных успехах, потому что остаются невостребованными и в лучшем случае устраиваются кому-нибудь на подпевки...

— Это естественно. Все «Фабрики звезд» рано или поздно исчезнут. Все, что делается инкубаторно, потом становится обыденностью. Все, что придумано, бессмысленно. Я учился в театральном институте и знаю, сколько курсов там выпускается, но такие, как Евстигнев или Табаков, появляются из тысячи. Ты можешь быть лучшим на курсе, диплом у тебя может быть красным, серебряным или золотым — это ничего не значит. Человека могут выгнать из института как профнепригодного, а потом он пробьется сам и... хоть стой, хоть падай. Это не спорт, где можно, тренируясь каждый день с гантелями, добиться результатов. Искусство выше спорта, поэтому оценить его невозможно.

— Вы родились в Ленинграде, живете в Санкт-Петербурге. Говорят, что в этом городе какая-то особенная аура, которая способствует творчеству. Это правда или скорее миф, сложный вокруг бывшей столицы империи?

— Наверное, об этом может говорить тот, кто в Питер приехал, но не родился в нем. Мне со стороны очень сложно посмотреть. Но с учетом того, сколько великих людей прожили в этом городе, наверное, что-то такое здесь есть. Будучи столицей, Санкт-Петербург привлекал лучшие силы. Сегодня Москва является центром всех событий. Но есть существенная разница между бывшей столицей Санкт-Петербургом и нынешней Москвой. Ценности разные. В сегодняшней Москве все делается быстрее. Собственно, именно там находится котел, в котором постоянно что-то варится.

— А к пресловутому противостоянию Москвы и Питера как относитесь?

— С юмором, конечно. Хорошее подтрунивание друг над другом —

это приятно и в спорте, и в искусстве. Люди вокруг довольно милые, и всерьез это, по-моему, никто не воспринимает. В Москве все «гениально». Что бы ни делали москвичи, всегда присутствуют завышенные оценки в отношении самих себя. Питерцы — более скромные, они, наоборот, любят самоистязать себя, склонны скептически относиться к тому, что они делают. Ну а в спорте... Являюсь ярым поклонником «Зенита», и мы часто общаемся с московскими болельщиками. Я их очень люблю, но при удобном случае всегда готов их уколоть. Но к нам приезжают друзья — болеть за «Спартак», мы пьем пиво, разговариваем, шутим.

— Вы человек музыки и человек кино. Как бы вы оценили нынешнюю российскую поп-музыку и нынешний российский кинематограф?

— Думаю, что они находятся примерно на одинаковом уровне. Кино — это ведь, грубо говоря, тоже снятая на пленку фонограмма. Театр — вот истина, которая есть в искусстве. Кино сегодня пушено на поток. Это проекты, это кинобизнес. Но есть Звягинцев, есть фильм «Возвращение», и наравне с ним остальное кажется ширпотребом. Поп-музыка тоже была, есть и будет делом тех людей, которые в этом не разбираются. Вот я, допустим, не разбираюсь в химической промышленности. И если меня пригласят на форум химиков, а они при этом будут говорить полную ерунду про феррум в какой-нибудь валентности, я буду сидеть и думать: «Ты смотри, какие умные люди!» И, ничего в этом не понимая, буду аплодировать. То же самое происходит с людьми, которые ничего не понимают в музыке, в песне, в театре и кино. Вышел на сцену — смотри-ка какой молодец, и одет как, а прическа какая! Обман происходит, иллюзия. На шоу-бизнес покупаются легко, и чем больше народа на сцене, тем больше шоу. Остается общий настрой, а существо, смысл пропадает. Этим и пользуются. Получается, Новый год каждый день.

— Как вы относитесь к мнению, что хорошая российская музыка сейчас раскручивается через кино, через саундтреки?

— Раскручиваются как угодно, но есть хорошая музыка — как, скажем, в «Крестном отце», а есть второстепенная, но зрители все равно кушают. Что, и это съели? Как, и это?! А за сто рублей готовы играть? А за 50? А бесплатно? А давайте сделаем тогда две группы «Ласковый

ИТАР-ТАСС. ЮРИЙ БЕЛЫНСКИЙ

СПРАВКА

Михаил БОЯРСКИЙ родился 26 декабря 1949 года в Ленинграде в актерской семье. Учился в музыкальной школе при консерватории по классу фортепьяно. После школы поступил в Институт театра, музыки и кинематографии. В 1972 году начал работать в Театре имени Ленсовета. Снял более чем в пяти десятках художественных фильмов, при этом практически ни одна его роль не стала проходной. Его знают по таким кинохитам, как «Соломенная шляпка», «Новогодние приключения Маши и Вити» (1974), «Мама» (1977), «Собака на сене» (1978), «Д'Артаньян и три мушкетера» (1979), «Гардемарины, вперед!» (1987). Озвучивал мультфильмы («Летучий корабль», «Голубой щенок»), выступал на эстраде, был ведущим популярных телевизионных программ («Белый попугай», «Домино»). С 1989 года и поныне Михаил Боярский является художественным руководителем и директором созданного им театра «Бенефис». Народный артист России (1990).

май»? А вообще без артистов на сцене? Что, и это съели? А тогда давайте просто деньги приносите — и все. Сегодня делают все, лишь бы покупали. Деньги не пахнут.

— Но вы согласны, что новая академическая музыка и в Голливуде, и у нас воспринимается в основном через кино? Тот же вальс Евгения Доги к фильму «Мой ласковый и нежный зверь» звучит во всех переходах московского метро. Люди, между прочим, немало денег зарабатывают на этой музыке...

— Предпочитаю слушать Рахманинова, Чайковского, Моцарта. И деньги платить не надо. Как и все нормальные люди, я прошел и через рок, и через поп-музыку. Кому что нравится. Но музыку могут сочинять очень немногие люди. Может быть, три или четыре человека. Все остальное — компиляция нот и слов. Нужно понимать, что Гладков, Дунаевский, Рыбников, Щедрин — это композиторы. Остальные все — не композиторы, это милые ребята с замечательной душой, но делать музыку они не умеют. Я могу писать слова? Да, я грамотно пишу. А роман написать могу? Нет. А сейчас пишут все, и считается, что если пишешь роман, значит, ты писатель. Но если Достоевский и Гоголь писатели, то кто вы?

— Возвращаясь к тому же «Славянскому базару», вспоминается вид на ложу жюри из партера. Выглядело это так: головы, головы, головы и посредине

— колоритная черная шляпа с огромными полями. Шляпа для вас сейчас — это имидж или что-то большее?

— Черт его знает. Я так глубоко не анализирую. Это уже привычка, рабочая одежда. Уж и не думаю о том, что на голове. По городу в шляпе не хожу, есть другая одежда. В театре тоже в ней не работаю. А вот на эстраде и в официальной обстановке — да.

— Многие хвалят витебскую атмосферу, которая царит вокруг этого фестиваля. Вам удалось отдохнуть там?

— Мне все очень понравилось, особенно красота витебских девушек. Наверное, потому что я жил один в гостинице, не был окружен ни друзьями, ни врагами. Мне очень нравилось находиться одному в номере, потом выходить на улицу, где гуляет весь город, стоят картины, продают красивые вещи, кузнецы куют, музыка везде играет, женщины красивые... Даже бокс удалось посмотреть. Не скучал, и эта неделя пролетела для меня незаметно.

— Спрашивать актера о его планах, конечно, неправильно. Но все-таки: продолжение «Трех мушкетеров» мы увидим, сыграете ли вы снова Д'Артаньяна?

— Я бы хотел, чтобы продолжение было, но вряд ли получится. Для этого нужны силы не только творческие, но и коммерческие. А у меня таких сил нет, и специально заниматься этим не буду. Если пригласят, с распростертыми объятиями встречу своих друзей и сыграю, но организатором быть не хочу.

— Так в чем проблема? Проект ведь должен оказаться достаточно громким...

— Не знаю. Раньше снимали по заказу Гостелерадио, а кто сегодня будет заказывать — непонятно. Будет заказ — будем работать.

— В таком случае, чем планируете заниматься в ближайшее время?

— Все мои планы — это работа. Телевидение, концерты, творческие встречи, спектакли и иногда редкие съемки в кинематографе. Правда, в ближайшее время никаких съемок не планирую. Что-то постоянно предлагают, но мне это не интересно. Если будет предложение, которое заинтересует, тогда буду сниматься.

— Часто отказываетесь?

— Нечасто, но и предложений сниматься сейчас гораздо меньше, чем раньше.

ИТАР-ТАСС. ЮРИЙ МАШКОВ